

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ И РЕАЛЬНАЯ ПРАКТИКА: ОПЫТ ЭКСПЕРТНЫХ ОЦЕНОК РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ¹

О. В. Попова

Попова Ольга Валентиновна, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», Университетская набережная, 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Эл. почта: o.popova@spbu.ru. ORCID 0000-0002-0701-7767

Аннотация. В статье освещены трактовки феномена государственной политики идентичности ведущими российскими учеными-политологами. В ходе проведенного летом — осенью 2019 г. экспертного опроса (метод неформализованного интервью) получена ценная информация, показывающая спектр исследовательских позиций относительно понимания этого явления как теоретического конструкта и компонента реальной политики. Представлен обзор позиций отечественных политологов по вопросам механизма, технологий, факторов и критериев оценки эффективности государственной политики идентичности, значимости встраивания неформальных практик в соответствующие государственные программы, ответственности политических элит за сохранение единства нации. Представляют интерес исторические примеры, которые, по мнению ученых, отражают наиболее успешные проекты формирования национально-государственной идентичности. Выявлен круг вопросов, по которым эксперты имеют наиболее отличающиеся подходы, в том числе такие, как: корректность терминологического аппарата («национально-государственная идентичность», «государственная идентичность», «гражданская идентичность» и т.д.), состояние государственной политики идентичности в современной России, факторы дифференцированности ее результатов в различных субъектах Российской Федерации, наличие/отсутствие необходимости выбора политической элитой ориентации на «гражданский» или «этнический» проекты, риски реализации политики памяти с сознательным затушевыванием значимых исторических фактов или их «лукавых» трактовок, что в случае изменения политической ситуации может привести к катастрофическим политическим последствиям. Заслуживает внимания позиция российских ученых по поводу стратегии элит в формировании образов «мы» и «они» в рамках разработки государственной политики идентичности, выбор негосударственных участников ее реализации и решение вопроса о распределении финансовых, организационных и технических ресурсов. Автор считает, что, несмотря на расхождение взглядов ученых по некоторым вопросам, их теоретические разработки могут значительно способствовать точному пониманию причин успехов/поражений в реализации государственной политики идентичности.

Ключевые слова: политика идентичности, государство, политические элиты, механизмы, факторы, технологии, практики реализации государственной политики идентичности

Введение. Исследовательский вопрос и метод исследования

Концепт «политика идентичности» (англ. «identity politics» или «politics of identity») как процесс сознательного конструирования определенных форм коллективной идентичности (в том числе и попыток создания определенных заданных моделей) активно внедрился в зарубежные политические исследования в конце 1990-х гг., хотя сама эта категория была введена в научный оборот Р. Анспачем еще в 1979 г.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, грант № 19-011-31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы».

(Anspach, 1979). Первоначально данный феномен трактовался как борьба за изменение отношения социума в целом к людям с ограниченными возможностями и их самовосприятия, в 1990-х гг. эта категория использовалась в основном для описания целей новых социальных движений и попыток различных меньшинств найти идеологические основания борьбы за свои «особые» права (Calhoun, 1994; Hall, 1991; Gillis, 1994). Но если сначала термин «политика идентичности» применяли для фактической легитимации борьбы за изменение своего положения в обществе считающих себя ущемленных в социальном плане меньшинств (этнические, гендерные, миграционные), то с начала 2000-х гг. активно используется его трактовка как одного из важнейших направлений государственной политики по конструированию образа нации, государства, сплочения граждан, обеспечения единства населения, гарантирующего устойчивость политической системы и политического режима (Kennedy, 2004; Parekh, 2008; Tuck, Yang, 2017). В политической науке категория «политика идентичности» все чаще определяется как «policy» (англ.), как разновидность проводимого политическими, экономическими или культурными элитами политического курса (Heyes, 2002; Handbook of Identity Theory..., 2011), акцентируются процессы сознательного, целенаправленного и систематического формирования (конструирования), утверждения и корректировки национально-государственной идентичности. Тема государственной политики идентичности все чаще воспринимается как значимая в равной степени и для политической науки, и для сферы реальной политики.

Российские политологи активно участвуют в исследовательских проектах, посвященных политической идентичности и политике идентичности. Почти за двадцать пять лет тщательного изучения проблем идентичности в российском политологическом научном сообществе сформировалось несколько региональных центров, представители которых прилагают немалые усилия не только для эмпирического анализа этих феноменов, но и для развития теоретических концептов. В этот список входят Москва (В.С. Комаровский, В.В. Лапкин, О.Ю. Малинова, В.И. Пантин, И.С. Семенов, В.В. Титов), Санкт-Петербург (С.В. Акопов, В.А. Ачкасов, В.Н. Лукин, Т.В. Мусиенко, О.В. Попова, А.Ю. Сунгуров), Краснодарский край (З.А. Жаде, Е.В. Морозова, И.В. Самаркина), Пермский край (М.В. Назукина, Л.А. Фадеева), Республика Крым (Т.А. Сенюшкина, А.В. Ставицкий), Республика Татарстан (А.Г. Большаков, О.И. Зазнаев), Ростовская область (С.П. Поцелуев) и другие регионы. Безусловно, научными лидерами этого научного направления являются сотрудники Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Семенов, 2015; Семенов, 2016; Семенов, 2017; Семенов, 2018а; Семенов, 2018b; Семенов, Лапкин, Бардин, Пантин, 2017; Semenenko, 2015; Semenenko, Pantin, Lapkin, 2016; Semenenko, Lapkin, Bardin, Pantin, 2018). Опубликованное в 2017 г. коллективное энциклопедическое издание по идентичности систематизировало представление в этой области не только российских, но и зарубежных авторов (Идентичность..., 2017). Функционирующая более десяти лет сеть исследований идентичности² показывает пример эффективного неформального объединения и взаимодействия ученых, интересующихся общей научной темой.

Российские ученые достаточно четко обозначают свои методологические подходы к теме политики идентичности, стремясь избежать фрагментарности при ее рассмо-

² Сеть по исследованию идентичности. Режим доступа <http://identityworld.ru/>

трени. Наиболее востребованными в настоящее время остаются конструктивизм, бихевиорализм, постструктурализм и неомарксизм, хотя идея поливариантности и сочетания методологических подходов явно доминирует. Например, современными сторонниками конструктивизма (Брубейкер, 2012) идея культивирования якобы абсолютно свободного, независимого от общества и связанного лишь со свободной волей индивида формирования его «самости» отрицается в той же мере, как и мысль о возможности построения унифицированных навязанных извне моделей идентичности. Процесс конструирования идентичности рассматривается, скорее, в качестве условия построения эффективной коммуникативной базы и консолидации позиций по наиболее значимым вопросам государственной политики представителей различных политических, культурных и этнических групп. Аналогичная ситуация наблюдается и во взглядах неомарксистов, не считающих экономические расколы в обществе непреодолимым препятствием для реализации государственной политики идентичности в формировании ее гражданской составляющей.

В последние годы внимание ученых все более привлекает государство как политический институт, в наибольшей степени заинтересованный в формировании заданных моделей политической идентичности и определенных политизированных форм социальной идентичности с целью обеспечения максимальной устойчивости существующих политической системы и политического режима путем укрепления лояльности населения и обладающий для достижения этой цели наиболее широким спектром финансовых, идеологических, организационных, институциональных и технических ресурсов. Летом и осенью 2019 г. преподаватели факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета³ провели серию экспертных нестандартизованных интервью, посвященных проблеме эффективности реализации политики государственной идентичности в современном мире⁴. Гайд интервью определял наиболее острые темы для обсуждения; до момента интервью вопросы для ознакомления не предоставлялись, но эксперты имели возможность выстраивать собственные стратегии ответа на вопросы и выбора кейсов для иллюстрации своей точки зрения.

Состояние теории государственной политики идентичности

Проблемы государственной политики идентичности активнейшим образом обсуждаются в современной российской политической науке. Эксперты отмечают тесную связь государственной политики идентичности с символической политикой (Малинова, 2010; Поцелуев, 2012), политикой исторической памяти (политикой памяти), но считают эту категорию недостаточно устоявшейся, требующей более детального анализа с обязательным учетом сложившихся политических практик как в стабильных, так и в трансформирующихся государствах. Подчеркивая отсутствие достаточно обоснованной однозначной трактовки таких понятий, как «государственная идентичность», «национально-государственная идентичность», «гражданская идентичность» и отмечая расширительное их толкование рядом

³ Канд. полит. наук, доцент Е.О. Негров, докт. полит. наук, профессор О.В. Попова, канд. полит. наук А.В. Шентякова.

⁴ Метод — глубинное нестандартизованное интервью. Объем выборки — 20 российских экспертов, наиболее авторитетных специалистов в области политической науки, специализирующихся на проблемах политической идентичности и политики идентичности.

исследователей, некоторые эксперты высказали сомнение в достаточно высокой эвристической наполненности понятия «государственная политика идентичности». («Выражение «политика идентичности» или «государственная политика идентичности» отражает стремление правящих элит государства выстроить общую политическую идентичность их граждан как условие долгосрочной политической стабильности. Но эти выражения бессмысленны, если не уточняется, о какой именно идентичности идет речь. Ведь государство может быть вовлечено в проект строительства этнической либо гражданской нации (соответственно, коллективной национальной идентичности). При этом понятие «национально-государственной идентичности» может рассматриваться трояко: как начальный этап реального строительства гражданской национальной идентичности, особенно в многосоставных полиниях (случай нации-государства (nation-state) в отличие от государства-нации (state-nation) в смысле А. Степана, Х. Линца и Ё. Ядава); как имитация этого строительства в рамках «официального национализма империй», по Б. Андерсону; как двусмысленное и лукавое понятие для прикрытия реальной политики идентичности «национализирующих государств» (Р. Брубейкер)».)

Эксперты настаивают на необходимости уточнения направления государственной политики идентичности, ее содержания, поскольку может быть выбрано, как минимум, четыре различных варианта: ставка на развитие чувства гражданской принадлежности, эксплуатация политизированной формы этнической идентичности (Ачкасов, 2012; Ачкасов, Бабаев, 2000; Vogt, 2018), сверхразвитие региональной или даже локальной идентичности в ущерб формированию различных форм макроидентичности, в том числе государственной, а также стремление обеспечения лояльности определенной идеологии или политическому классу. («Выражение «политика идентичности» есть в принципе выражение неполное, а потому страдает некоторым дефицитом осмысленности. Нет идентичности вообще, а есть национальная, этническая, региональная, религиозная и пр. идентичности. Если идентичностью начинают заниматься субъекты политики, значит, речь — по определению — идет о политической идентичности. Другое дело, что и политическая идентичность может быть разная: она может выражаться в идентификации со своей политической партией, государством, нацией. Важно иметь в виду, что все эти случаи политической идентичности не совпадают друг с другом и даже могут друг другу противоречить»).

Отдельные эксперты достаточно скептически высказываются в отношении развития концепции политики идентичности в российской политологии, полагая, что трансформируется преимущественно «технологическое» видение этой проблемы, что может дать некие преференции для краткосрочных проектов в реальной политике, но не решает стратегических проблем ни науки, ни политической практики («Я не вижу онтологии за всем этим. Прикладные, технологические стороны я вижу. А вот онтологии, т.е. базовых вещей, нет. Зачем, почему это нужно, если честно, мне даже не попадались. На Украине эти вопросы обсуждаются, но в России я этого не увидел. Может быть, я чего-то недосмотрел, но общей линии не вижу»).

В трендах развития теории государственной политики идентичности эксперты усматривают две тенденции, одну из которых они определяют как негативную, контрпродуктивную и политически ангажированную, что в принципе в науке недопустимо, если политологи не позволяют трансформировать свою задачу получения новых знаний в функцию идеологической пропаганды («Негативная состоит в постмодернистской релятивизации базовых понятий и понятийных дистинкций

в рамках теории политики идентичности: само понятие идентичности, понятия нации вообще и российской нации, в частности, различие между нацией и этничностью, между гражданской и этнической нацией и т.п.». Вторая, конструктивная тенденция связана с поиском узких мест и рисков формулирования концепции государственной политики идентичности и разработки проектов ее реализации, особенно с учетом негативных тенденций роста радикальных националистических настроений, формирования устойчивых групп с ортодоксальными фундаменталистскими религиозными взглядами (безотносительно собственно конфессиональной принадлежности людей) и развития предельно нетолерантного отношения к людям других политических взглядов в даже той среде, которая позиционирует себя носителями либеральных взглядов («Позитивным я нахожу появление более дифференцированного и менее идеологизированного подхода к исследованию политик идентичности на постсоветском пространстве. Понятия вроде «национализирующих государств» прощаются с романтическими иллюзиями относительно перспектив гражданского нациестроительства в постсоветских (постсоциалистических) странах, обращая внимание на риски, связанные с фактическим ростом там правых этнонационалистических тенденций»).

Дизайн и инструменты государственной политики идентичности

В понимании стратегий реализации государственных проектов формирования гражданской и национальной идентичности четко наметилось расхождение двух точек зрения — «комплексной» и «технологической». В первом случае эксперты предпочитали говорить о необходимости проведения реформ во всех сферах (экономической, социальной, культурно-идеологической, медийной и образовательной) с целью формирования новой модели патриотизма по отношению к современному, открытому государству, когда рост числа трансмигрантов в мире отнюдь не противоречит формированию эмоционального чувства привязанности к «своей» стране. Во втором случае речь шла прежде всего о проектах, связанных с символической политикой.

Комплексный подход опирается на сознательно проводимую государством в экономической сфере политику развития модернизационных программ, качественно повышающих уровень восходящей социальной мобильности для всех категорий (поколений, профессиональных и статусных групп) граждан. В социальной сфере обозначается необходимость достаточно традиционных для социального государства мероприятий: государственная поддержка социально незащищенных слоев населения, поддержка детства и материнства, обеспечение национально значимых льгот («к примеру, государственные субсидии на поездки по стране. В условиях России это очень важный момент; граждане должны иметь представление о территории страны»). Пропаганда национальной общности «поверх социальных различий» в культурно-идеологической сфере необходима, но («пропаганда умная: через хорошую литературу, кинематограф, эстраду (для этого надо мониторить эту сферу, поддерживать всё, что талантливо работает на строительство национальной идентичности, а с тем, что против этого, вести прямую или косвенную полемику»). Следует обратить внимание на то, что политика запрета в любой форме экспертами отвергается.

Ситуация с массмедиа важна с точки зрения реальной возможности ведения диалога разными политическими силами и предложения конкурирующих вариантов

видения ситуации в стране (*«В СМИ полемику вокруг проблем политики идентичности надо вести открыто, не заматывать под ковер «неудобные» вопросы, создавая ложное впечатление, что нет проблем. Эта полемика не может быть ограничена парой развлекательных ток-шоу, а должна быть систематической и вестись на разных (в том числе интеллектуальных) уровнях и скоростях. Проблемы, стоящие на пути строительства, к примеру, общероссийской гражданской идентичности, надо обсуждать без развлекательной истерики, а принципиально и серьёзно, отвечая на вызов этнонационалистических и либеральных противников этого проекта как внутри страны, так и за ее пределами»*).

Сфера образования оценивается как наиболее значимый компонент государственной политики идентичности. При этом карт-бланш, по мнению экспертов, должны иметь гуманитарная интеллигенция и современные интеллектуалы из новых поколений, ориентированные тем не менее на ценностное восприятие мира (*«Национальная мобилизация требует мощной национальной интеллигенции, в особенности гуманитарной. Подготовку национальной интеллигенции нельзя заменить телепропагандой мистических историй о национальном прошлом и развлекательными шоу о национальном настоящем. Нужны «моральные диалоги» в смысле А. Этциони, а они продуцируются национальной интеллигенцией»*).

Инструментальная поливариантность технологий формирования необходимых моделей государственной, национальной, гражданской идентичности в обязательном порядке должна включать продуманную политику среднего образования и обеспечения преемственности его традиций несколькими поколениями (*«Самыми разнообразными, начиная от Конституции и заканчивая школьным образованием, которое является ключевым, базовым элементом формирования идентичности, если мы видим горизонт одного-двух поколений»*). Изыскания тридцатилетней давности западных ученых показали, что университеты в качестве агентов политической социализации и проводников формирования определенных моделей политической идентичности действуют на молодежь в сравнении с 1950–1960-м гг. все менее эффективно; результаты исследовательских проектов последних десяти лет еще более жестко выносят приговор подобной роли образовательных учреждений, что обосновывается ортодоксальностью и низкой конкурентоспособностью высших учебных заведений в сравнении с виртуальными неформальными сообществами в плане предложения неких привлекательных образцов системного мышления для молодежи.

Однако российские эксперты убеждены, что не время отказываться от попыток влияния на молодежь через систему высшего образования; вопрос заключается лишь в форме донесения до этой демографической группы нужной информации (*«Необходима продуманная система образования, причем на всех уровнях, включая высшее образование. Везде должно быть обеспечено продвижение национальной идеологии, но умными способами. Это значит не только унифицированные учебники и учебные курсы (в университетах), серия мероприятий и перформансов. Нужен вдумчивый диалог по проблематике идентичности уже со школьниками, а со студентами — тем более. Но для этого нужны гуманитарные кадры и соответствующие часы в академических программах»*). Серьезным ограничением, препятствующим эффективному участию институтов высшего образования в реализации государственной политики идентичности, являются стратегия отказа университетам в миссии просвещения и превращения их зону «оказания образовательных услуг», концентрация на

формировании только прикладных навыков в интересах сегодняшнего рынка труда (точнее, работодателей) в ущерб повышению общего культурного уровня студенческой молодежи (*«Когда публично советник президента и бывший министр образования говорит, что задача образования из творца, личности сделать потребителя, это приговор для цивилизации»*).

Эксперты отрицают систему запретов в области культурной политики, гораздо эффективнее для воздействия на молодежь оказывается стратегия целенаправленной поддержки конкретных структур (*«В сфере культуры и медиа нужна четко продуманная (с пониманием, какую идентичность мы хотим строить) система госмониторинга и господдержки. Она должна касаться и эстрады (рока и даже «попсы»)*). *Здесь всё важно, если подумать, какую колоссальную роль, к примеру, сыграла рок-музыка для демонтажа советской идентичности в период перестройки»*).

Скептические оценки языковой политики современной России опираются на избыточно консервативное отношение к языковым нормам (*«Политика исторической памяти и языковая политика — они имеют большую степень когерентности. Одна консервативная стратегия может охватывать и политику исторической памяти, и языковую политику. В период дискретной глобализации у России однозначно реализуется консервативная стратегия конструирования государственной идентичности. Это почти неподвижные литературные нормы русского языка, хотя русский язык — один из тех, которые можно признать «живым»*). Он не выдерживает строгой линейности в развитии литературного русского языка, но государство делает ставку именно на это»). Кроме того, эксперты ратуют за проведение политики поддержки изучения языков нетитульных наций и этносов вне границ национальных республик в составе РФ (*«в условиях таких многоязычных политий, как Россия, нужно, с одной стороны, четко исполнять закон о госязыке (или языках), а с другой стороны, надо поощрять изучение других языков данной страны. В России, к примеру, надо пропагандировать случаи, когда русский изучил татарский или чеченский язык, интересуется культурой и традициями этих народов»*).

Тем не менее наиболее значимым базовым инструментом они считают конструирование и поддержание национального мифонарратива, *«который реализуется в ходе нациестроительства во всех уголках мира»*. В его основе при описании «своего» государства обязательно лежит оппозиция «мы» и «они». Какая-то вариация концепта «золотого века» обязательно дополняется концептом принесшего неисчислимые бедствия извечного заклятого врага нации (негативного значимого «другого»), концептом «возрожденного народа» и концептом исторической памяти *«как пути к национальному будущему; чтобы сплотиться, мы должны вдохновиться нашим славным прошлым и поверить в нашу победу»*.

Значительные фрагменты экспертных интервью были посвящены политике памяти. По мнению российских политологов, она *«должна использовать материал ученых историков и этнологов строго селективно, акцентируя в общей истории моменты единства и целенаправленно забывая моменты раздора. Трудные, проблемные моменты, которые используются внутренними и внешними врагами национального проекта, надо подвергнуть глубокому и тонкому осмыслению, проработке, с целью достижения консенсуса. При умном подходе даже из памяти о гражданской войне можно сделать символ национального единства. И ничего не замалчивать!»*

Едва ли не самой «больной» темой остается вопрос о советском прошлом. Фигура умолчания в этой ситуации представляется экспертам наименее правильным

решением. (*«Проработать, договориться и забыть кровавые моменты. Другими словами, в политике прошлого не должно быть лакун, как у нас сейчас в отношении советского прошлого. Относительно «Великой Победы» 1945 года есть консенсус. Но как быть с «Великим Октябрем»? С оценкой Ленина и Сталина? Государство молчит, оно пасует перед этими вызовами политики памяти»*). При этом государство не должно иметь монопольного права на установление «правильной» трактовки исторических событий; необходима выработка консенсусной оценки прошлого (*«Далее, государство нельзя рассматривать в качестве единого и единственного субъекта политики памяти, есть и субъекты гражданского общества. Политика памяти представляет собой эффект целого ряда сетевых взаимодействий различных политических акторов. Соответственно и конкретные образы прошлого являются продуктом сетевого взаимодействия государства с различными сообществами... Критерий успешности политики памяти? Она помогает гасить конфликтность внутри стран и вокруг них, а не провоцировать эту конфликтность, вроде «институтов национальной памяти» в Польше и на Украине»*).

Факторы обеспечения эффективности государственной политики идентичности

Опрос экспертов выявил достаточно скептический взгляд большинства из них даже на гипотетическую возможность поиска универсальных технологий обеспечения эффективной государственной политики идентичности или возможность заимствования и переноса «на другую почву» удачного опыта отдельных стран — Канады, США, Австрии (*«назовем мы, к примеру, канадский мультикультурализм наиболее успешным, но мы понимаем, что Канада одна. И даже переложить некоторые самые общие положения конструирования идентичности к РФ, к Индии и какому-то другому крупному, многосоставному обществу почти невозможно»*; *«можно говорить о среднеразмерных европейских странах. Как это делается в Австрии. Несмотря на то, что основной этнолингвистической группой являются немцы, тем не менее политическая идентичность имеет очень ясные в смысле государства-нации очертания»*).

Успех государственной политики идентичности опирается на ее системность (*«продуманная в деталях и согласованная в своих частях»*), долгосрочность и всеобъемлющий характер (*«что предполагает комплекс мероприятий во всех без исключения сферах общества»*). Исследователи настаивают на необходимости жесткого определения в государственной политике идентичности координат «мы — они», «свои — чужие» (*«Сейчас такое время переломное, когда начинается время великих перемен. Глобальный информационный кризис происходит, и мы должны быть готовы, что в глобальной конкуренции от нас потребуется мобилизация. А если мы не определились, за кого мы, против кого мы, кто наш враг, кто партнер, кто союзник, кто глобальный конкурент, то можно перехитрить самих себя. В моем представлении политика идентичности должна быть гласной, в целом открытой»*). Вместе с тем опросы общественного мнения молодежи и наблюдение за этой группой показывает наличие значительной доли тех, кто достаточно негативно воспринимает декларацию в официальном политическом дискурсе «внешних и внутренних других» в конфронтационной модели.

Эксперты демонстрируют существенные расхождения в оценке качества реализуемых программ; некоторыми учеными ставится под сомнение их эффективность в принципе (*«даже начавшаяся национальная мобилизация не всегда приводит к появ-*

лению нации, если в силу каких-то причин низовая поддержка элитных инициатив не оказывается массовой, долговременной, глубокой») или даже само наличие подобной сбалансированной программы. Часть респондентов настаивает на том, что в целом оценка эффективности в краткосрочной перспективе неуместна, об эффективности, если исследователей интересует возможность ее замера или оценки, можно говорить лишь применительно к отдельным проектам или программам («эффективность государственной политики идентичности измеряется столетиями»).

Среди примеров успешных практик реализации государственной политики идентичности эксперты назвали проекты стратегического двадцатилетнего планирования в Малайзии, обеспечивающие высокий уровень социальной мобильности модернизационные проекты в Китае, успешно реализуемую политику памяти в переживших гражданские войны и острые межклассовые, межэтнические и межрасовые конфликты государствах (комиссия по примирению в ЮАР, политика примирения идеологических наследников республиканцев и сторонников Франко в постфранкистской Испании, оценка маоизма в современном Китае), снижающие «антинациональный» эффект резкой имущественной поляризации программы социального государства (Швеция, Германия и другие страны).

Эксперты обращают внимание на то, что хороший эффект могут давать и отдельные проекты, например, культивирование значимости институтов общественной демократии в сообществах с сильными этническими традициями, национальная пропаганда в киноиндустрии (пример Голливуда), практики поддержки национальной культуры и продвижение ее за рубежом. В качестве примера успешной мемориальной политики в России было названо движение «Бессмертный полк», однако эксперты отметили риски формализации и выхолащивания его смысла усилиями чиновников на местах.

Государственная политика идентичности в России

Наиболее существенные различия в представлениях ученых касаются вопроса о наличии сформированной и эффективной политики идентичности в современной России. Отрицательный ответ на этот вопрос связан с представлением части экспертов об отсутствии в стране единой, строго выверенной программы действий, которая позволяла бы, используя множество центров не только институтов политической власти, но и структур гражданского общества, эффективно совмещать подчас противоречивые представления различных социальных и политических групп о сущности политических процессов в прошлом и настоящем страны, а также предложить непротиворечивую модель развития государства. Отмечаются недостатки институционализации государственной политики идентичности («Цель достаточно проста. Государство и общество должны восприниматься в ходе этой политики как одно целое. Не разделенное ни пространством, ни по времени. Каким-то образом должна быть выстроена эта политика, но здесь у нас провал, какой-то просчет»).

Эксперты прямо говорят о необходимости поддержки в массовом сознании значимости титульной нации для сохранения государственной и гражданской идентичности («Обязательно должна присутствовать некая государствообразующая нация, вокруг которой конструируется эта самая государственная идентичность»), что ни в какой степени не должно препятствовать формированию поливариантного спектра этнических идентичностей («Россиянин может идентифицировать себя с российским государством, быть государственным патриотом, но при этом

сформировать у себя не российскую гражданско-национальную идентичность, а этнонациональную идентичность русского, чеченца, осетина, татарина и т.д.»).

Признаются риски этнической или политической самоидентификации с моделями государственной и гражданской идентичности (*«В случае многосоставных обществ с этнокультурной сегментацией мы имеем всегда конкуренцию проектов гражданской и этнической нации. Государство пытается сохранять единство страны посредством государственного патриотизма, но без появления гражданской нации этого недостаточно для сохранения политического единства и территориальной целостности»; «Кто-то, живя в России, может иметь либеральную идейно-политическую идентичность и вообще не идентифицировать себя с этой страной»*).

Среди наиболее существенных политико-практических ограничений в реализации политики идентичности государством были отмечены сложности формирования в массовом сознании жителей расположенных вдоль границ страны эксклавных (Калининградская область) и недавно возвращенных в состав РФ регионов (Республика Крым, город федерального подчинения Севастополь) иерархически соподчиненного отношения региональной и государственной идентичности. К сожалению, сохраняющиеся определенные проявления регионального сознания (*«остров Крым», «там, в России»*) демонстрируют недостаточную эффективность проводимой политики обеспечения интеграционного единства всех территорий современной России.

Эксперты акцентируют внимание на том, что в ряде регионов страны (преимущественно в национальных республиках с сильным влиянием ислама) достаточно часто в политических установках граждан наблюдается подчинение государственной идентичности их конфессиональной или этнической идентичности (*«Территориальность. Когда мы говорим, что Россия не имеет пределов, мы ставим под угрозу вот этот компонент государственной идентичности. Где заканчивается Россия? Там, где живут русские и татары? Это, на мой взгляд, важнейший компонент [политики] идентичности»*). Негативно сказывается на массовом политическом сознании, на представлениях рядовых граждан и отсутствие у элитных групп непротиворечивого восприятия прошлого, настоящего и будущего российского государства.

Достаточно скептически эксперты оценивают состояние законодательства, влияющее на состояние гражданской идентичности и формирование приоритетов государственной или этнической идентичности, хотя внимательное прочтение нарратива свидетельствует скорее о скептицизме в отношении практик реализации этих нормативных документов (*«нужны продуманные в национальном ключе законы о государственном языке (языках), о печати, об образовании и т.д. Важен закон о гражданстве. Я, к примеру, считаю институт двойного гражданства крайне вредным для формирования национальной идентичности. Национальная родина — не там, где «поближе к аэропорту», это вопрос политической лояльности к определенной стране, которая, разумеется, не совпадает с ее актуальным политическим руководством»*).

Эксперты отметили, что определенное негативное, пусть и косвенное, влияние на реализацию государственной политики идентичности в современной России оказывает активно формирующийся в информационном пространстве образ России как государства, которое агрессивно по своей сути и постоянно и активно ведет гибридные войны против большинства бывших союзных республик, входивших в состав СССР, а также бывших союзников по соцлагерю. Особенно заметную роль в этом играют сетевые онлайн-сообщества и социальные массмедиа.

Снижение эффективности проводимой государством политики идентичности определяется также низкими показателями доверия населения большинству органов государственной власти и представляющим их политикам. Острой проблемой остается своевременный учет властями изменения настроений в обществе и корректная модификация трактовки исторических событий образов.

Ответственность элиты за реализацию государственной политики идентичности

Российская политическая элита начала проявлять заметную озабоченность по поводу эффективности реализации государственной политики идентичности около пятнадцати лет назад, что нашло отражение и в российском законодательстве⁵, и в официальном политическом дискурсе⁶. Ученые признают ключевую роль политико-административной элиты в формировании государственной политики идентичности, *«причем не обязательно в его конструктивистско-радикальной версии. Без инициативы сверху национальная мобилизация не начинается, нация не возникает так же естественно, как грибы после дождя»*. Однако они считают, что элита не может выступать единой монолитной группой в достижении этой цели в силу существенной сегментации, подчас из-за скрытых или явных расколов в этой группе (*«в руководящем политическом классе должен быть соответствующий (национальный) консенсус поверх партийных различий»*), необходимости соответствовать запросам жестко разделенного на социальные слои и отнюдь не единого населения (*«Если мы берем в качестве примера государственно-национальную мобилизацию в многосоставных обществах вроде России, то здесь ключевая роль отводится элитам отдельных сегментов (в случае России — это этнические и территориально закрепленные сегментарные различия)»*); перед российской политической элитой стоит задача формирования *«сообщественной нации»*.

Она ответственна за преодоление внутренних расколов высокостатусных слоев, находящихся на вершине власти, и за вовлечение в программы формирования национально-государственной/гражданской идентичности даже тех групп и лидеров общественного мнения, которые доставляют своей критической позицией в отношении внутренней и внешней политики государственным мужам достаточно большие проблемы (*«Элиты должны суметь между собой договориться и потом подключить к процессу национальной интеграции прочих акторов по вертикали и горизонтали»*).

⁵ Государственная программа Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» от 29 декабря 2016 г. № 1532. Подпрограмма 2. Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России. Сайт Федерального агентства по делам национальностей РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/; О «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://base.garant.ru/70284810/>; Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Сайт Президента России. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391>; Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 N 53-ФЗ (последняя редакция). СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/.

⁶ Выступление Владимира Путина в клубе «Валдай». Российская газета. 19.09.2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>; Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/.

В целом эксперты с достаточно либеральными взглядами приветствуют макиавеллистский подход политических лидеров к решению задач в области политики идентичности, оценивая эффективность политики в этой сфере в классическом варианте как искусство возможного (*«Эта политика предполагает харизматический тип лидерства, способность к нестандартным и даже лукавым решениям в условиях непредсказуемо складывающихся ситуаций. В лидерах, успешно реализующих политику государственной идентичности, должны соединяться, с одной стороны, способность вести переговоры и находить компромиссы, а с другой — готовность при необходимости действовать жестко. В любом случае в них должно быть больше от Отто Бисмарка, чем от Михаила Горбачева»*).

Примечательно, что профессиональной, интеллектуальной элите эксперты отказывают в самостоятельной, значимой роли в формировании или участии в реализации государственной политики идентичности (*«я бы не рискнул называть сегодня интеллектуальную элиту где бы то ни было самостоятельным актором в формировании государственной идентичности или квазигосударственной идентичности, или даже региональной идентичности за исключением отклоняющихся сепаратистских случаев»*). Причины такой ситуации коренятся не только и не столько в утрате этой социальной группой своего социального статуса, морального авторитета или даже ресурсов, но скорее в настороженном отношении к ней со стороны политико-административной элиты (*«почти нигде мы не увидим, когда интеллектуальная могла бы выступать в качестве самостоятельного актора в конструировании государственной идентичности. На мой взгляд, она занимает все-таки подчиненное место по отношению к политическому классу»*).

В ряде случаев эксперты отказывают современной российской элите в целом в праве и возможности быть локомотивом формирования государственной, гражданской идентичности, поскольку первое и основное условие для выполнения этой работы — патриотизм и готовность служить интересам своей страны (*«Элита — субъект политики идентичности. Понимает ли она свою задачу, миссию, какими средствами для выполнения этой задачи будет пользоваться, от всего этого будет зависеть судьба страны. С кем себя соотносит эта элита? Она работает на благо страны или имитирует? Чья это элита? Я отвечу цитатой: «Ваша элита имеет в наших банках более 500 млрд. долларов, она имеет недвижимость, она дает образование своим детям там. Так скажите, чья это элита? Ваша или наша?»*). Немаловажным фактором, делающим элиту неспособной к осуществлению своей лидирующей миссии в развитии общества, является слом механизмов ротации групп у руля власти (*«Выгода вытеснила служение, а для элиты это важно. «Слуга народа» стало издевкой, а не позитивным словом. Нет механизма обновления, а это важно и для нее самой. Если нет ротации элиты со всеми остальными слоями общества, то будет не здоровая элита. Она будет вырождаться, как будет вырождаться семья, где происходят инцесты. В этом смысле у нас именно такая элита, она закрывается, она не выстраивает механизмы ... Либо она сама начнет меняться под запросы и вызовы России, либо ее будут менять»*).

Слабая политическая элита, не имеющая морального авторитета в глазах населения, не способна конкурировать за признание своих ценностей и идеалов, а потому склонна к применению легитимизированного физического насилия и вынуждена конкурировать с другими политическими акторами за продвижение своей версии национально-государственной идентичности практически без явных преимуществ.

Государственная политика идентичности — сложная система зафиксированных в законодательных документах политических проектов, а также предполагающая неформальные практики и средства формирования определенной модели политических взглядов, идеологических и политических ценностных ориентиров основной массы населения, которые направлены на создание определенных образов «мы — граждане» и «мое государство». Государственная политика идентичности формирует национальную и гражданскую идентичность населения страны, способствует поддержанию символического единства граждан и относительно унифицированного восприятия наиболее значимых образов «своего» государства. Одновременно государственная политика идентичности может быть направлена на поддержание и/или разрушение определенных политизированных форм социальной идентичности граждан.

К наиболее часто встречаемым в политической реальности компонентам, механизмам и средствам государственной политики идентичности относятся: идеологическое обоснование борьбы с внутренними и внешними врагами (Jensen, 2018), акцентирование исторической миссии своего государства с обращением к моралистской риторике; комплексная инфраструктура поддержки исторической памяти (научные и образовательные центры и учреждения, а также существующие под видом институтов гражданского общества учреждения, которые выполняют прежде всего идеологические функции); система законов, устанавливающая определенную трактовку исторических событий в качестве единственно правильной и возможной; способная консолидировать общество и/или классифицировать индивидов на «своих» и «чужих» система символов; официальный политический дискурс; интерпретация содержания и символики государственных праздников, использующих образы прошлого, одновременно легитимирующих нахождение у власти конкретной элитной группы и оправдывающих существующий политический курс; конструирование исторических и политических мифов с целью абсолютизации истории государства и уникальных особенностей политической нации или населяющих страну этнических групп; образовательная политика, проекты унификации концепции учебников истории, литературы и национального языка; попытка идеологического контроля за научными гуманитарными и обществоведческими исследованиями; поддержка государством определенных научных, политических и общественных проектов в сфере политики памяти и истории («пантеон героев» и политика памятных дат); ограничение доступа к различным архивам; скрытый идеологический контроль за средствами массовой информации онлайн и офлайн; символическое привлечение для осуществления политики исторической памяти государственных органов, институтов гражданского общества, политических лидеров других государств, руководителей международных организаций; усилия для обеспечения признания исторических событий со стороны мировой общественности.

Современное государство, обладая колоссальными материальными, организационными, техническими и идеологическими ресурсами, в условиях глобализации и становления информационного общества продолжает оставаться наиболее влиятельным субъектом формирования политической, национальной, гражданской идентичности. При этом вне зависимости от особенностей политического режима (Mouffe, 1995; Margulies, 2018), если только речь не идет о предельной форме то-

талитаризма, опирающейся на жесткую личную диктатуру, мощнейшие ресурсы и возможности государства все же не позволяют унифицировать политические взгляды людей на власть, политическую элиту, историю, настоящее и будущее страны. Даже самые преданные сторонники конструктивистской методологии не считают возможной ситуацию, когда определенная модель политической идентичности продвигалась бы в массовое сознание исключительно усилиями правящей элиты. Формирование государственной и гражданской идентичности предполагает обязательное участие других политических акторов, институтов гражданского общества, а также лидеров общественного мнения.

Как невозможно автоматическое перенесение удачного опыта реализации государственной политики идентичности из одних стран в практики других, так недостижимо и формирование унифицированных моделей государственно-национальной и гражданской идентичности большинства жителей конкретного государства. Скрытые и явные конфликты внутри политико-административной элиты (Lee, 2017), отсутствие в ее рядах единства по вопросу об отношении к ключевым компонентам образа «мы — государство», утрата морального авторитета элиты в глазах общества, необходимость привлечения негосударственных структур и лидеров общественного мнения, чьи идеологические взгляды и интересы могут не совпадать с интересами конкретного государства в целом, конкурентная борьба за различные экономические, организационные, символические, технические и т.д. виды ресурсов разнообразных участников реализации проектов политики идентичности, невозможность тотального контроля за многообразными каналами получения политической информации и межличностной коммуникацией по ее поводу, запрос в социуме на «политику различий», межпоколенческие и классовые расколы по поводу «правильных» границ государства, его прошлого, настоящего и будущего, политических символов, исторических персонажей и государственно-образующих мифов — все это значительно снижает эффективность государственной политики идентичности, отдаляя перспективу достижения согласия граждан по поводу ее целей, средств и результатов.

Библиографический список

- Ачкасов, В. А. (2012). *Политика идентичности мультиэтнических государств в контексте решения проблемы безопасности*. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.
- Ачкасов, В. А., Бабаев, С. А. (2000). *«Мобилизованная этничность»: этническое измерение политической культуры современной России*. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. филос. о-ва.
- Брубейкер, Р. (2012). *Этничность без групп*. Москва: Изд-во НИУ ВШЭ.
- Семененко, И. С. (ред.) (2017). *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Москва: Изд-во «Весь мир».
- Малинова, О. Ю. (2010). Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России. *Полис*, 2, 90–105.
- Поцелуев, С. П. (2012). «Символическая политика»: к истории концепта. В О.Ю. Малинова *Символическая политика. Сборник научных трудов* (с. 17–53). Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН.
- Семененко, И. С. (2015). Дискурсы идентичности и общественные настроения в Италии 2010-х годов. В *Италия в начале XXI века. Сборник статей по итогам конференции. Сер. «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений»* (с. 51–57). Москва: ИМЭМО.

- Семененко, И. С. (2018a). Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе. *Полис*, 5, 70–87.
- Семененко, И. С. (2016). Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст. *Полис*, 4, 8–28.
- Семененко, И. С. (2017). Политика идентичности. В И.С. Семененко (ред.) *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* (с.с. 647–655). Москва: Издательство «Весь Мир».
- Семененко, И. С. (2018b). Прошлое на переднем крае политики идентичности. *Мировая экономика и международные отношения*, 62(11), 65–76.
- Anspach, R. R. (1979). From Stigma to Identity Politics: Political Activism among the Physical Disabled and Former Mental Patients. *Social Science and Medicine. Medical Psychology and Medical Sociology*, 13(C), 765–773.
- Bernstein M. (2005) Identity Politics. *Annual Review of Sociology*, 31, 47–74.
- Castells, M. (1997). *The Power of Identity. Oxford and Maiden*. MA: Blackwell Pub.
- Gillis, J. (Ed.) (1994). *Commemorations. The Politics of National Identity*. Princeton, Princeton UP.
- Hall, S. (1991). Old and New Identities, Old and New Ethnicities. In A.D. King (Ed.). *Culture, Globalization and the World System* (pp. 41–68). London, Macmillan.
- Schwartz, S.J., Luyckx, K., & Vignoles, V. L. (Eds.) (2011). *Handbook of Identity Theory and Research*. New York, Springer.
- Heyes, C. (2002). Identity Politics. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Retrieved from <http://plato.stanford.edu/entries/identity-politics/>.
- Jensen, M. (2018). Russian Trolls and Fake News: Information or Identity Logics? *Journal of International Affairs*, 71(1.5), 115–124.
- Kenny, M. (2004). *The Politics of Identity: Liberal Political Theory and the Dilemmas of Difference*. Cambridge, Polity Press.
- Lee, M. J. (2017). Considering Political Identity: Conservatives, Republicans, and Donald Trump. *Rhetoric and Public Affairs*, 20(4), 719–730.
- Margulies, J. D. (2018). The Conservation Ideological State Apparatus. *Conservation and Society*, 16(2), 181–192.
- Mouffe, C. (Ed.) (1995). Democratic Politics and the Question of Identity. In J. Rajchman *The Identity in Question*. New York, Routledge.
- Parekh, B. A. (2008). *New Politics of Identity: Political Principles for an Interdependent World*. New York, Palgrave MacMillan.
- Semenenko, I. (2015). Ethnicities, Nationalism and the Politics of Identity: Shaping the Nation in Russia. *Europe-Asia Studies*, 67(2), 306–326.
- Semenenko, I., Lapkin, V., Bardin, A., Pantin, V. (2018). Between the State and the Nation: Dilemmas of Identity Politics in Post-soviet Society. *Social Sciences*, 49(2), 52–74.
- Semenenko, I. S., Pantin, V., Lapkin, V. (2016). Historical Forecasting in the Twenty-First Century: The Kondratyev Cycles, Evolutionary Cycles and Prospects for World Development: Book Reviews. *Social Sciences*, 47(1), 137–142.
- Calhoun C. (Ed.) (1994). *Social Theory and the Politics of Identity*. Oxford, UK and Cambridge, USA, Blackwell.
- Tuck, E., Yang, K.W. (2017) Late Identity. *Critical Ethnic Studies*, 1 (3), 1–19.
- Vogt, P. (2018). How Moravian Are the Moravians? The Paradox of Moravian Identity. *Journal of Moravian History*, 18(1), 77–101.

Статья поступила в редакцию 12.11.2019
Статья принята к публикации 27.11.2019

Для цитирования: Попова О.В. Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок российских исследователей. — Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 4. С. 74–91.

IDENTITY POLICY AT NATIONAL LEVEL AS A THEORETICAL CONSTRUCT AND REAL PRACTICE: EXPERT ASSESSMENTS ATTEMPT

O. V. Popova

Olga V. Popova, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «St. Petersburg State University», Universitetskaya naberezhnaya, 7–9, St. Petersburg, 199034, Russia. E-mail: o.popova@spbu.ru. ORCID 0000-0002-0701-7767

Acknowledgements. The research was carried out through the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and Autonomous Non-Profit Organization “Expert Institute for Social Research”, No. 19–011–31616 (State Policy in the Field of Formation of Identity: Conceptual Foundations, Technologies and Prospects).

Abstract. The article highlights the interpretation of the phenomenon of state identity policy by Russian political scientists. The expert survey conducted by method of informal interview of leading Russian scientists during summer — fall 2019 yielded valuable information showing a range of research positions regarding the understanding of this phenomenon as a theoretical construct and a component of real politics. Review of the positions of Russian political scientists on the mechanism, technologies, factors and criteria for assessing the effectiveness of the state identity policy, the importance of embedding informal practices in relevant state programs, and the responsibility of political elites for maintaining the unity of the nation is presented. Historical examples, which, according to scientists, reflect the most successful projects for the formation of national-state identity, are of interest. A range of issues has been identified on which experts have the most different approaches, including the following: the correctness of the terminological apparatus (“national-state identity”, “state identity”, “civic identity”, etc.); position of state identity policy in modern Russia; the factors of differentiation of its results in various constituent entities of the Russian Federation; the presence/absence of the need for the political elite to choose focus on “civilian” or “ethnic” projects; the risks of implementation of memory policy with deliberate glossing over important historical facts or their “crafty” interpretations, which in the case of changes in the political situation may lead to disastrous political consequences. Noteworthy is the position of Russian scientists regarding the elite strategy in shaping the “we” and “they” images in the framework of developing the state identity policy, the choice of non-state actors in its implementation and the resolution of the distribution of financial, organizational and technical resources. The author believes that, despite the divergence of the views of scientists on some issues, their theoretical developments can significantly contribute to an accurate understanding of the reasons for success/failure in the implementation of the state identity policy.

Keywords: identity policy, state, political elites, mechanisms, factors, technologies, practices of implementing state identity policy

DOI: 10.31429/26190567-20-4-74-91

References

- Achkasov, V. A. (2012). *Politika identichnosti mul'tietnichnykh gosudarstv v kontekste resheniya problemy bezopasnosti* [Identity Policy of Multi-ethnic States in the Background of Solving Security Issues]. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGU.
- Achkasov, V. A., Babayev, S. A. (2000). *“Mobilizovannaya etnichnost’”: etnicheskoye izmereniye politicheskoy kul'tury sovremennoy Rossii* [“Mobilized Ethnicity”: The Ethnic Dimension of the Political Culture of Modern Russia]. Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva.

- Anspach, R. R. (1979). From Stigma to Identity Politics: Political Activism among the Physical Disabled and Former Mental Patients. *Social Science and Medicine. Medical Psychology and Medical Sociology*, 13(C), 765–773.
- Bernstein, M. (2005). Identity Politics. *Annual Review of Sociology*, 31, 47–74.
- Brubaker, R. (2012). *Etnichnost' bez grup* [Ethnicity without Groups]. Moskva: Izd-vo NIU VSHE.
- Calhoun, C. (Ed.) (1994). *Social Theory and the Politics of Identity*. Oxford, UK and Cambridge, USA, Blackwell.
- Castells, M. (1997) *The Power of Identity*. Oxford and Maiden, MA: Blackwell Pub.
- Gillis, J. (Ed.) (1994). *Commemorations. The Politics of National Identity*. Princeton, Princeton UP.
- Hall, S. (1991). Old and New Identities, Old and New Ethnicities. In A. D. King (Ed.). *Culture, Globalization and the World System* (pp. 41–68). London, Macmillan.
- Heyes, C. (2002). Identity Politics. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Retrieved from <http://plato.stanford.edu/entries/identity-politics/>.
- Jensen, M. (2018). Russian Trolls and Fake News: Information or Identity Logics? *Journal of International Affairs*, 71(1.5), 115–124.
- Kenny, M. (2004). *The Politics of Identity: Liberal Political Theory and the Dilemmas of Difference*. Cambridge, Polity Press.
- Lee, M. J. (2017). Considering Political Identity: Conservatives, Republicans, and Donald Trump. *Rhetoric and Public Affairs*, 20(4), 719–730.
- Malinova, O. Yu. (2010). Simvolicheskaya politika i konstruirovaniye makropoliticheskoy identichnosti v postsovetsoy Rossii [Symbolic Policy and the Construction of Macropolitical Identity in Post-Soviet Russia]. *Polis* [Polis. Political Studies], 2, 90–105.
- Margulies, J. D. (2018). The Conservation Ideological State Apparatus. *Conservation and Society*, 16(2), 181–192.
- Mouffe, C. (Ed.) (1995). Democratic Politics and the Question of Identity. In J. Rajchman *The Identity in Question*. New York, Routledge.
- Parekh, B. A. (2008). *New Politics of Identity: Political Principles for an Interdependent World*. New York, Palgrave MacMillan.
- Potseluyev, S. P. (2012). “Simvolicheskaya politika”: k istorii kontsepta [Symbolic Politics: Towards a History of a Concept]. In O. Yu. Malinova *Simvolicheskaya politika. Sbornik nauchnykh trudov* [Symbolic Politics] (pp. 17–53). Moskva: Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam RAN.
- Schwartz, S. J., Luyckx, K., & Vignoles, V. L. (Eds.) (2011). *Handbook of Identity Theory and Research*. New York, Springer.
- Semenenko, I. (2015). Ethnicities, Nationalism and the Politics of Identity: Shaping the Nation in Russia. *Europe-Asia Studies*, 67(2), 306–326.
- Semenenko, I. S. (2015). Diskursy identichnosti i obshchestvennyye nastroyeniya v Italii 2010-kh godov [Discourses of Identity and Public Sentiment in Italy in the 2010s]. In *Italiya v nachale XXI veka* [Italy at the Beginning of the XXI Century] (pp. 51–57). Moskva: IMEMO.
- Semenenko, I. S. (2016). Politika identichnosti i identichnost' v politike: etnonatsional'nye rakursy evropeiskii kontekst [Identity Politics and Identities in Politics: Interethnic Perspectives in a European Context]. *Polis* [Polis. Political Studies], 4, 8–28.
- Semenenko, I. S. (2017). Politika identichnosti [Identity Policy]. In I. S. Semenenko (Ed.) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition] (pp. 647–655). Moskva: Ves' Mir.
- Semenenko, I. S. (2018a). Natsionalizm, separatizm, demokratiya... Metamorfozy natsional'noy identichnosti v “staroy” Yevrope [Nationalism, Separatism, and Democracy. New Patterns of National Identity in “Old” Europe]. *Polis* [Polis. Political Studies], 5, 70–87.

- Semenenko, I. S. (2018b). Proshloye na perednem kraye politiki identichnosti [History on the Front-line of Identity Politics]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 62(11), 65–76.
- Semenenko, I. S. (Eds.) (2017). *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Publication]. Moskva: Izd-vo "Ves' mir".
- Semenenko, I. S., Pantin, V., Lapkin, V. (2016). Historical Forecasting in the Twenty-First Century: The Kondratyev Cycles, Evolutionary Cycles and Prospects for World Development: Book Reviews. *Social Sciences*, 47(1), 137–142.
- Semenenko, I., Lapkin, V., Bardin, A., Pantin, V. (2018). Between the State and the Nation: Dilemmas of Identity Politics in Post-soviet Society. *Social Sciences*, 49(2), 52–74.
- Tuck, E., Yang, K.W. (2017) Late Identity. *Critical Ethnic Studies*, 1 (3), 1–19.
- Vogt, P. (2018). How Moravian Are the Moravians? The Paradox of Moravian Identity. *Journal of Moravian History*, 18(1), 77–101.

Received 12.11.2019

Accepted 27.11.2019

For citation: Popova O.V. Identity Policy at National Level as a Theoretical Construct and Real Practice: Expert Assessments Attempt.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 4. Pp. 74-91.

© 2019 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).